

УДК 82.0

УСАДЬБА В ТВОРЧЕСТВЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

© 2016 г.

И. С. Юхнова

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

yuhnova1@mail.ru

Поступила в редакцию 10.08.2015

Лермонтов считается одним из создателей кавказского и петербургского текстов в русской литературе, усадебный топос занимает в его творчестве периферийное положение. Русская усадьба становится местом действия в юношеской драме *Menschen und Leidenschaften* («Люди страсти»), в ряде незаконченных прозаических произведений (историческом романе «Вадим», наброске «Я хочу рассказать вам»), элементы усадебного текста есть и в романе «Княгиня Лиговская».

В раннем творчестве поэта усадьба – это место столкновения человеческих страстей. Обострившиеся межличностные и социальные конфликты приводят к тому, что гибнет герой, распадается семья, разрушается уклад. В зрелом творчестве акцент смещается на историю становления личности в усадебном уединении.

Лермонтов, детство и юность которого прошли в помещичьей усадьбе, включает в произведения много бытовых подробностей, воссоздает деревенский уклад, показывает узнаваемые сцены из помещичьей жизни, прорисовывает психологические типы и характерные модели общения и поведения. В наброске «Я хочу рассказать вам» формируются новые принципы изображения усадьбы: усложняется структура описания, соотносятся разные точки зрения на один предмет изображения, включаются сцены из народной жизни.

Ключевые слова: русская усадьба, Лермонтов, «Княгиня Лиговская», «Вадим», «*Menschen und Leidenschaften*» («Люди и страсти»), «Я хочу рассказать вам...», усадебный текст.

Несмотря на то что детство Лермонтова прошло в пензенском имении бабушки, усадебный топос в его творчестве занимает периферийное положение. Усадьба становится местом действия в юношеской драме *Menschen und Leidenschaften* («Люди страсти»), в незаконченном историческом романе «Вадим», отрывке «Я хочу рассказать вам...», элементы усадебного текста также есть в романе «Княгиня Лиговская».

К тому времени, когда Лермонтов пришел в литературу, философия и мифология усадьбы уже сформировались. Усадьба воспринималась как семантически емкое явление. Прежде всего, она изображалась как идеальное место, рай на земле, причем рай рукотворный, созданный самим человеком в соответствии с его эстетическими представлениями о гармонии, красоте, но также и практическими потребностями [1]. В усадьбе гармонично соединялись труд и досуг, деятельность и праздность. Обустройство имения требовало практических усилий, точного расчета. С этой целью помещики выписывали земледельческие журналы, внедряли новые принципы управления имением, покупали заграничные сельскохозяйственные механизмы, что нашло отражение в литературных произведениях той поры. Герой, стремящийся преобразовать свое имение, организовать его на иностранный манер, вопреки сложившейся тради-

ции, чаще всего изображался иронично, его реформы оказывались безуспешными, воспринимались соседями как забава, чудачество и безрассудство. Вместе с тем усадебная жизнь была культурно организована. В ней значительное место отводилось литературным занятиям, музицированию, чтению (каждая усадьба имела библиотеку, которую собирало не одно поколение ее владельцев, а типичным персонажем произведений, действие которых было связано с усадьбой, являлась девушка с книгой). Как замечают Е. Дмитриева и О. Купцова, усадьба синтезировала природу и искусство [2], и это создавало в ней особую атмосферу, определяло жизненный уклад.

Усадьба была открыта для родственников, друзей, соседей, поэтому важное место в жизни помещика занимало общение [3, 4]. Существовали особые правила гостеприимства, следование которым серьезно влияло на репутацию хозяина усадьбы.

Другой важный пласт смыслов был связан с тем, что усадьба – это отчий дом, родовое гнездо, которое человек покидал в поисках своего жизненного предназначения и в которое возвращался. Не случайно в литературе той поры сюжетобразующей стала ситуация как отъезда из родного дома, так и возвращения в родовое имение. При этом возвращение имело разные

причины и цели. В повести Н.Ф. Павлова «Ятаган» Бронин, получивший офицерский чин, а вместе с ним и эполеты, приезжает домой к матери для того, чтобы разделить с ней радость. В пушкинском «романе в стихах» «Евгений Онегин» закончивший курс в Гёттингенском университете Ленский тоже возвращается в отчий дом – и, по сути, это перекресток в его судьбе, жизненное перепутье. В имение удалялись в моменты тяжелых душевных потрясений, чтобы укрыться от жизненных невзгод (как Вера – героиня поэмы Е.А. Боратынского «Цыганка»). Возвращение в усадьбу имело и такие причины, как отставка, опала, ссылка. Добровольное уединение в имении воспринималось как знаковый жест: человек, запираясь в усадьбе, утверждал внутреннюю свободу как главную личную ценность, выступал против регламентированной жизни в светском обществе.

Образ жизни в усадьбе, ее культурная атмосфера обусловили формирование «усадебного сюжета», который получил *«развитие в произведениях многих русских писателей для художественного воплощения социальных, философских и нравственно-эстетических идей их времени»* [1, с. 83]. Важную роль в нем играл приезд нового соседа. Так в провинциальном кругу, к которому вполне было приложимо определение «своя семья», появлялся «чужой», чаще всего «приезжий из столицы». И это меняло привычную жизнь: вносило в нее оживление, рождало ожидание перемен, новых впечатлений, любовных надежд. Такой герой вольно или невольно вторгался в установившиеся отношения, нарушал сложившийся порядок вещей. Неизбежной в этой ситуации становилась любовная история, которая получала разное развитие: в «Монастырке» А. Погорельского, например, она имела авантюрно-мелодраматический характер, в «Ятагане» Н.Ф. Павлова – трагический и др. В любом случае любовная интрига являлась стержневой.

Обязательными элементами «усадебного сюжета» были встречи, прогулки, объяснения, которые происходили в типичных для усадьбы местах: наряду с господским домом, в котором значимыми были кабинет хозяина, гостиная, девичья, местом действия становились парк с прудом, беседка. Именно там, на лоне природы, зарождалось чувство, происходили объяснения героев.

К середине 1830-х годов усадьба все больше воспринималась не просто как идиллия, но как разрушающаяся идиллия, в которой отчетливо проступали черты упадка, вырождения, ущербности. Как считает Т.Ю. Колягина, этот смысл в мифопоэтике усадьбы обусловлен самой ее

сущностью: *«Усадебное пространство, – пишет исследовательница, – суггерирует тему смерти и само оказывается пространством смерти. С одной стороны, «смерть усадьбы» носит сезонный характер; она естественно умирает осенью, с отъездом гостей и хозяев, и вновь оживает весной и летом. С другой стороны, семейная усыпальница, могилы предков в родовом имении – обязательный атрибут усадебного пространства; смерть моделируется с помощью архитектурно-скульптурных сооружений «романтических» парков (гробницы, руины, обелиски). В любом случае в русской усадебной литературе тема конца усадьбы, запустения, царящего в ней, возникает задолго до реального исчезновения дворянских гнезд (отсюда мифология «старого», «старинного» дома)»* [5, с. 118].

Как усадебный текст представлен в произведениях Лермонтова?

Прежде всего, в его творчестве сохранилось восприятие усадьбы как рая, Эдема, но идиллическая модель усадебного топоса у него чаще всего подается в форме воспоминаний. Это прошлое, счастливая пора детства, которое не возвратно утрачено, а потому существует только как мечта. Так, в стихотворении «Как часто, пестрою толпою окружен» «усадебный фрагмент» – это сфера памяти, «недавняя старина», возникающая в сознании героя как ряд визуальных картин, в которых он видит себя, во первых, ребенком, во-вторых, извне, со стороны, в родном для себя пространстве родовой усадьбы. Как замечает С.И. Ермоленко, *«мечта, по сути своей, устремлена в будущее. В лермонтовском же стихотворении мечта «старинная», то есть мечта о прошлом, «недавней старине» («И вижу я себя ребенком...»). <...> Мечта-видение («обман») становится явью для лирического героя. Правда, видение длится всего лишь «миг», но, как это обычно у Лермонтова, он вбирает в себя всю полноту бытия, будучи едва ли не равноценным вечности»* [6, с. 27].

«Родные места» – ценностно важный для героя мир, здесь он пребывает в гармонии с самим собой и с природой. Характерно, что природный мир в лермонтовском стихотворении рукотворный. Сад, пруд, теплица – это та самая окультуренная природа, которая типична для усадебного топоса. А природные реалии таковы, что воссоздают характерный для Лермонтова временной универсум, когда в описании совмещаются приметы разных времен года: «зеленая сеть трав», темная аллея – лета, «желтые листья», разрушенная теплица – осени. Не случайны здесь знаки ущерба, разрушения. Идиллический мир живет только в воображении ге-

роя. Как невозможно вернуться в прошлое, так невозможно вновь обрести утраченную гармонию, преодолеть внутренние диссонансы. Однако *«полнота душевной жизни, сохраненная памятью, делает мир прошлого для лирического субъекта, при всей его зыбкости и хрупкости, реальнее окружающего его «бездушного» мира»* [6, с. 27].

В незаконченном романе «Княгиня Лиговская» усадебный эпизод также вводится как прошлое Печорина, когда раскрывается предыстория его отношений с Верой.

Любовь между героями зарождается во время поездки в монастырь, а развивается в подмосковном имении богатой тетушки. Формирование истинного, чистого и глубокого чувства, по Лермонтову, возможно именно в условиях усадьбы – в кругу, где нет жесткой регламентации и всевидящего светского ока, где над человеком не довлеет диктат общественного мнения, где люди объединены родственными узами, а побудительными мотивами поступков становятся внутренние порывы. Уклад усадебной жизни создает возможность для длительного, неспешного, уединенного общения, которое и позволяет юным героям продолжить начатый во время поездки в монастырь разговор. И это не словесная игра или пустая светская беседа ни о чем. Это разговор, в котором раскрывается душа, делятся сокровенным. Лермонтов не воссоздает его, а только показывает, что он увлекает героев, у них возникает желание продолжить его, поэтому общение не прекращается в момент расставания. Характерно, что именно общение способствует зарождению чувства: в человеке привлекает не внешность, не его социальный статус, а внутренний мир, то, что хранится в душе и никогда не проявится при крайне ритуализированной светской беседе, а раскрывается только в разговоре с глазу на глаз, когда в слове себя выражают, а не прячутся за ним.

Русской усадьбе в «Княгине Лиговской» противопоставлена усадьба польская. Она враждебна и опасна, и ареной военных действий становятся не только межнациональные, но и любовные отношения. В истории о «графине Роже», рассказываемой Печориным, все детали таковы, что у слушателя возникает чувство тревожного ожидания: это и чужое пространство, и состояние природы («ночь темная и дождливая» [7, т. 6, с. 176]), и разноязычие, затрудняющее коммуникацию, хотя непонимание в итоге и оборачивается курьезом. Здесь все обманно: замок, поначалу кажущийся пустым, только затаился на время (семья графа его не покинула). Хозяин усадьбы, «дрожащий и бледный как полотно» [7, т. 6, с. 176], появляется не столько

как гостеприимный хозяин, сколько как «разведчик» и парламентар, который должен подготовить появление «графини Рожи». Его смирение перед русскими гусарами («отдал мне ключи от всех своих кладовых и, между прочим, предложил завтракать» [7, т. 6, с. 176]) – лишь временная сдача позиций перед генеральным сражением, главным оружием в котором станет красота жены. Таким образом, все традиции гостеприимства, радушия, поддерживаемые в русской усадьбе, в польском замке не действуют, а любовь, которая в имении тетушки развивается как целомудренное и высокое чувство, в польской истории оказывается инструментом, с помощью которого красавица пытается подчинить себе и тем самым сокрушить противника. Сюжет искушающей, коварной, обольщающей красоты в этом эпизоде только намечен, так как рассказ Печорина оборван, но в смысловом отношении он совершенно исчерпан.

В «Маскараде» Лермонтова обозначен еще один значимый для усадебного текста мотив – мотив бегства в усадьбу, и связан он с женскими персонажами. Нина готова бросить свет, уехать с Арбениным в деревню. Однако для нее этот шаг не спасение, а жертвенный поступок, так как удалиться в усадьбу – значит «схоронить молодость» [7, т. 5, с. 305]. Вращаясь в свете, Арбенин и Нина пребывают в разлуке. Лишь в деревенском уединении, вдали от светской суеты, можно восстановить утрачиваемое единство. Для баронессы Штраль отъезд в деревню тоже жертва, но жертва искупительная. Характерна реакция гостей, узнавших о ее решении: «Фантазия! – романы!» [7, т. 5, с. 365].

Если в «Княгине Лиговской», «Маскараде» усадебные эпизоды представляют собой небольшие побочные ответвления от основного сюжета, то в романе «Вадим», драме *Menschen und Leidenschaften* («Люди и страсти») усадьба становится основным местом действия, а потому в них наиболее последовательно реализована такая функция усадебного топоса, как «воспроизведение мира в пределах отдельной усадьбы» [2, с. 149]. Так, в романе «Вадим» изображен и типичный усадебный пейзаж, но также воссозданы узнаваемые ситуации из жизни помещика, передан характер отношений между людьми. Таким образом, усадьба Палицына является тем микромиром, по которому можно составить представление об общем порядке вещей. Уже первое описание показывает, что это не привычный патриархально-идиллический мир, где царят простота и доброта отношений: *«Дом Бориса Петровича стоял на берегу Суры, на высокой горе, кончающейся к реке обрывом глинистого цвета; кругом двора и вдоль по берегу*

построены избы, дымные, черные, наклоненные, вытягивающиеся в две линии по краям дороги, как нищие, кланяющиеся прохожим» [7, т. 6, с. 15–16]. Как замечает К.А. Потапова, «счастливая, «мирная» область покоя и гармонии деревни, описанная в романе «Вадим», создана равновесием природы – она защищена лесом, расположена на холме и тем самым открыта лучам солнца» [8, с. 80]. Однако в данном описании обращает на себя внимание не столько красота и живописность расположения господского дома, сколько контраст между усадьбой и деревней, барским домом и крестьянскими избами. Так в роман вводится тема социального неравенства, которая перерастет затем в тему крестьянского бунта. Лермонтов последовательно обнажает антитезу красоты, гармонии природы и безобразия, конфликтности человеческих (и шире – социальных) отношений.

В романе присутствуют все типичные атрибуты усадебной жизни, которые создают представление о ней как об идиллическом пространстве: красота окрестностей, тенистые аллеи, запах липы, звук колокольчика, оповещающий о приезде гостей, катание на лодке. Однако идиллия оказывается ложной, так как в усадьбе Палицына царят бездуховность и тирания, застой и скука. И в подобном понимании сущности деревенского существования отчетливо звучит спор с пушкинским восприятием усадьбы. Вот пример такой полемики. Рассказывая об образе жизни Натальи Сергеевны, жены Палицына и хозяйки дома, Лермонтов пишет: «Перед ореховым гладким столом сидела толстая женщина, зевая по сторонам, добрая женщина!.. жиреть, зевать, бранить служанок, приказчика, старосту, мужа, когда он в духе... какая завидная жизнь! и всё это продолжается сорок лет, и продолжится еще столько же... и будут оплакивать ее кончину... и будут помнить ее, и хвалить ее ангельский нрав, и жалеть... чудо что за жизнь! особливо как сравнишь с нею наши бури, поглощающие целые годы, и что еще ужаснее – обрывающие чувства человека, как листья с дерева, одно за другим» [7, т. 6, с. 11]. Здесь возникают прямые отсылки к пушкинскому «роману в стихах», только то, что в нем воспринималось как естественный ход жизни, возвращение к безыскусной простоте, «привычкам милой старины», в «Вадиме» лишено очарования: это жизнь, прожитая впустую, не наполненная действием, страстями, деятельным добром. В доме Палицына утвердился совершенно иной тип отношений. Здесь правилом становятся произвол и насилие: над крепостными, над людьми, зависимыми от помещика. Здесь отец и сын оказываются соперниками в

любви. В результате дом утрачивает главное свойство – защиты и спасения. Именно это значение считают главным в мифопоэтике усадьбы все исследователи. Как пишет В.Г. Щукин, «семейное «теплое гнездо» было спасительным кровом. Оно спасало человека – и в житейском, и в религиозно-этическом смысле этого слова. При этом оно требовало от него, взамен беспрекословного признания авторитета старших, следования “общему мнению” и “завету”» [9, с. 605]. Однако в «Вадиме» отчий дом становится тем местом, где героя ждет гибель, а опасность несут и не осознаваемое им противостояние с отцом, и враждебность Вадима, и бунт крестьян.

То же самое понимание усадьбы находим и в драме *Menschen und Leidenschaften* («Люди и страсти»). Здесь задействованы персонажи и образы, которые в более позднем жанре усадебной повести станут «образами-клише»: болезненный юноша, старый слуга, парк при луне, заглушенный сад [10, с. 580], – и воссозданы типичные ситуации усадебного быта: прогулки и объяснения в саду, чтение, пение, чаепитие. Однако наряду с ними появляются сцены, по сути, являющиеся натуралистическими зарисовками, и воссоздают они не поэтические, а деспотические стороны усадебной жизни: Марфа Ивановна, раскапризничавшись, «*девок по щекам так и лупит*» [7, т. 5, с. 154], приказывает высечь Ваську-поваренка за разбитую кружку, слуги интригуют против господ, которые пребывают в многолетней распре. Усадьба Громовой оказывается местом столкновения человеческих страстей. В связи с этим важную смысловую роль в драме играет сцена чтения Библии. Ее не раз комментировали исследователи, чаще всего с тем чтобы показать ханжество и лицемерие Марфы Ивановны, ее «фарисейскую религиозность» [11, с. 60], несоответствие слов и поступков. Однако значение этого эпизода шире. С помощью библейских цитат вводится тема распятия. Вот один из фрагментов, прочитанных Дарьей: «*Ведяху со Иисусом два злодея. И егда приидоша на место, нарицаемое лобное, ту распяшу его и злодеев, оваго одесную, а другога ошуюю. Иисус же глаголаше: «Отче, отпусти им: не ведают бо, что творят. Разделяюще ризы его и метяху жребия»* [7, т. 5, с. 157]. Здесь, в имени бабушки, родном для него доме, Юрий Волин обретает свою Голгофу, а обрекают его на страдания два равно близких и дорогих ему человека – бабушка и отец.

Еще одна библейская цитата углубляет идею крестного пути, который проходит герой, и связана она с темой предательства. Верный слуга

отказывается принять тридцать червонцев у своего барина и дает прямую оценку тому поступку, к которому подталкивает его Юрий: «*За тридцать сребреников продал Иуда Иисуса Христа... а это еще золото... нет, барин, я не такой человек... хотя раб, а не решусь взять от вас денег за такую услугу*» [7, т. 5, с. 199]. В данном эпизоде нравственные установки крепостного крестьянина, основанные на христианских заповедях, противопоставляются тем этическим нормам, которым следуют его господа. Отчетливое осознание того, что есть грех, добро и зло, которое демонстрирует Иван, соотносится с тем, как перетолковывает фрагменты из Библии Марфа Ивановна.

Характерно, что все моменты, определяющие судьбу героя, происходят в саду: после смерти матери родственник бабушки убеждает Николая Михайловича оставить младенца Громовой во время прогулки по саду, дядя Василий Михайлович рассказывает о распре между отцом и бабушкой в саду, здесь же Юрий признается в своем чувстве Любове, а потом видит ее с Заруцким, неверно растолковывая их разговор. Так в семантике сада появляются новые обертоны: он становится местом искушения, принятия решений, которые ведут героев к катастрофе.

Ряд библейских цитат, переосмысленная семантика сада позволяют преодолеть локальность семейно-бытового конфликта, наметить возможность более глубокого – символического – прочтения драмы.

В отрывке «Я хочу рассказать вам» в усадьбе проходит детство героя, здесь формируется личность человека «любопытного и страстного» [7, т. 6, с. 191]. Характерно, что детство в этом отрывке лишено идиллического ореола: оно прозаично, а уклад жизни в усадьбе, условия воспитания Арбенина изображаются как типичные.

«Усадебный» фрагмент в этом отрывке небольшой, но в нем формируется совершенно новый взгляд на усадьбу. Прежде всего, меняется структура описания: в нем совмещаются разные точки зрения и ракурсы изображения: «*Деревня эта находилась на берегу Волги. От барского дома по скату горы до самой реки расстился фруктовый сад. С балкона видны были дымящиеся села луговой стороны, синее степи и желтые нивы. Весной, во время разлива, река превращалась в море, усеянное лесистыми островами; по ней мелькали белые паруса барок, и вечером раздавались песни бурлаков. Барский дом был похож на все барские дома: деревянный, с мезонином, выкрашенный желтой краской, а двор обстроен был одноэтажными, длинными флигелями, сараями, конюшнями и обведен валом, на котором качались и*

сохли жидкие ветлы; среди двора красовались качели...» [7, т. 6, с. 192]. Чье это восприятие? Того, кому дороги и близки подобные картины, кто слит с этой природой, для кого она родной мир. Не случайно в этом описании появится отсылка к «чужому» мнению – к путевым запискам «одного француза», который на эти же реалии смотрит иначе и интерпретирует их по-своему: качели, например, воспринимает следующим образом: «*...против господского дома обыкновенно торчит виселица*» [7, т. 6, с. 192].

Центральными локусами, вокруг которых структурируется изображение, являются деревня и дом, которые показаны как часть типичного русского пейзажа и как разные формы русской жизни. В описании совмещаются две панорамные картины – пейзаж, который раскрывается «из усадьбы» («*с балконов видны были...*»), и прямо противоположный вид, когда сама усадьба становится объектом изображения, – взгляд «на нее» («*Барский дом был похож...*»).

Все, что видно из окон усадьбы, не статичные картины. Они меняются в зависимости от времени года, от состояния природы, от деятельности человека. И это народная жизнь. Она наполнена движением, воспринимается как естественная, органичная, связанная со средой обитания (рекой), природная. Там, за пределами усадьбы, красота, простор и жизненная полнота, когда рядом оказываются радость и горе, труд и отдых.

Иначе показана усадьба. В описании фиксируются детали, указывающие на оскудение, обветшание и разрушение («*сохли жидкие ветлы*», «*полусгнившая*» доска качелей). В родном доме ребенок переживает состояние сиротства («*Ему хотелось, чтоб кто-нибудь его приласкал, поцеловал, приголубил, но у старой няньки руки были такие жесткие!*» [7, т. 6, с. 193]), а положение господина создает условия для развития эгоизма и жесткости. Не случайно только пройдя через пороговое состояние болезни и мучительного выздоровления, герой обретает способность думать и создает в душе свой мир. Так в этом произведении Лермонтов показал истоки формирования того типа героя, которого Г.В. Москвин называет экзистенциальным [12]. Но если в «Кавказце» подобное мироотношение формируется в условиях войны [13], то в отрывке «Я хочу рассказать вам» его истоки находятся в укладе усадьбы. Совмещение двух форм русской жизни (народной и усадебной) позволило Лермонтову преодолеть изначальную замкнутость усадебного локуса, создать стереоскопический, объемный образ мира, а судьбу отдельного человека включить в поток большой жизни.

Таким образом, Лермонтов существенно трансформирует усадебный текст. Образ усадьбы в его произведениях эволюционирует, приобретает новые смыслы. Он лишается той простоты и доброты, которые были характерны для произведений пушкинской эпохи. Усадьба становится местом катастроф и конфликтов, а отчий дом не укрывает от жизненных бурь.

Работа выполнена при поддержке РГНФ в рамках гранта № 15-04-00498 «Концептуальные основы современного лермонтоведения».

Список литературы

1. Доманский В.А. Усадебный текст Г.Р. Державина и поэтов его круга // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2015. Т. 157. № 2. С. 79–84.
2. Дмитриева Е., Купцова О. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. М.: ОГИ, 2008. 544 с.
3. Вершинина Н.Л. Разговоры «в огромной машине вселенной» (А.С. Пушкин): к вопросу об усадебной «болтовне» // Вестник Псковского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. 2014. № 5. С. 245–251.
4. Юхнова И.С. Общение и диалог в творчестве А.С. Пушкина. Саранск: [б.и.], 2014. 204 с.
5. Колягина Т.Ю. Утрата усадебной Аркадии в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Вестник Омского университета. 2013. № 1 (67). С. 118–123.
6. Ермоленко С.И. Два образа мира – два типа миропереживания: М.Ю. Лермонтов «Как часто, пестрою толпою окружен» // Филологический класс. 2014. № 3 (37). С. 25–29.
7. Лермонтов М.Ю. Сочинения. В 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954–1957.
8. Поташова К.А. Влияние живописи на эстетический идеал русской поэзии первой трети XIX века (А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов): Дис ... канд. филол. наук. М., 2015. 272 с.
9. Щукин В.Г. Спасительный кров. О некоторых мифопоэтических источниках славянофильской концепции Дома // Из истории русской культуры. Т. V (XIX век). М., 1996. С. 589–609.
10. Щукин В.Г. Поэзия усадьбы и проза трущоб // Из истории русской культуры. Т. V (XIX век). М., 1996. С. 574–588.
11. Яковлев М.А. М.Ю. Лермонтов как драматург. Л.: М.: Книга, 1924. 260 с.
12. Москвин Г.В. Смысл романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». М.: МАКС Пресс, 2007. 204 с.
13. Юхнова И.С. Очерк «Кавказец» в контексте творчества М.Ю. Лермонтова [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1 Режим доступа: www.science-education.ru/121-17118.

COUNTRY ESTATE IN M. LERMONTOV'S WORK

I.S. Yukhnova

Lermontov is considered to be one of the Russian authors who contributed many Caucasus and St.Petersburg texts to Russian literature, while the country estate occupies only a peripheral position in his work. Russian country estate becomes a place of action in his youth drama «Menschen und Leidenschaften» («People and Passions»), in a number of unfinished works of prose (the historical novel «Vadim», the sketch «I want to tell you»), some elements of the estate text can be also found in the novel «The Countess Ligovskaya».

In the poet's early works, country estate is a place of collision of human passions. Sharp interpersonal and social conflicts lead to the character's death, the family falls apart, and the very way of life is destroyed. In Lermontov's mature works the focus shifts to the history of the formation of a personality in the privacy of the estate.

Lermontov, who spent his childhood and youth in a landowner's estate, includes into his works many details of everyday life in the countryside, depicts psychological types and characteristic patterns of interaction and behavior. In the sketch «I Want to Tell You», new principles of the estate image are formed: the structure of description becomes more complex, different points of view on the subject of the image are correlated, some scenes from the life of the people are included.

Keywords: Russian country estate, Lermontov, «The Princess Ligovskaya», «Vadim», «Menschen und Leidenschaften» («People and Passions»), «I Want to Tell You», estate text.

References

1. Domanskij V.A. Usadebnyj tekst G.R. Derzhavina i poetov ego kruga // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki. 2015. T. 157. № 2. S. 79–84.
2. Dmitrieva E., Kupcova O. Zhizn' usadebnogo mifa: utrachennyy i obretennyy raj. M.: OGI, 2008. 544 s.
3. Verшинina N.L. Razgovory «v ogromnoj mahine vselennoj» (A.S. Pushkin): k voprosu ob usadebnoj «bolto-vne» // Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Social'no-gumanitarnye i psihologo-pedagogicheskie nauki. 2014. № 5. S. 245–251.
4. Yuhnova I.S. Obshchenie i dialog v tvorchestve A.S. Pushkina. Saransk: [b.i.], 2014. 204 s.
5. Kolyagina T.Yu. Utrata usadebnoj Arkadii v romane A.S. Pushkina «Evgenij Onegin» // Vestnik Omskogo universiteta. 2013. № 1 (67). S. 118–123.
6. Ermolenko S.I. Dva obraza mira – dva tipa miro-perezživaniya: M.Yu. Lermontov «Kak chasto, pestroyu tolpoju okruzhzen» // Filologicheskij klass. 2014. № 3 (37). S. 25–29.
7. Lermontov M.Yu. Sochineniya. V 6 t. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1954–1957.
8. Potashova K.A. Vliyanie zhivopisi na ehsteticheskij ideal russkoj poehzii pervoj treti XIX veka (A.S.

Pushkin i M.Yu. Lermontov): Dis ... kand. filol. nauk. M., 2015. 272 s.

9. Shchukin V.G. Spasitel'nyj krov. O nekotoryh mifopoehticheskikh istochnikah slavyanofil'skoj koncepcii Doma // Iz istorii russkoj kul'tury. T. V (XIX vek). M., 1996. S. 589–609.

10. Shchukin V.G. Poehziya usad'by i proza trushchob // Iz istorii russkoj kul'tury. T. V (XIX vek). M., 1996. S. 574–588.

11. Yakovlev M.A. M.Yu. Lermontov kak dramaturg. L.: M.: Kniga, 1924. 260 s.

12. Moskvina G.V. Smysl romana M.Yu. Lermontova «Geroj nashego vremeni». M.: MAKS Press, 2007. 204 s.

13. Yuhnova I.S. Ocherk «Kavkazec» v kontekste tvorchestva M.Yu. Lermontova [Elektronnyj resurs] // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2015. № 1. Rezhim dostupa: www.science-education.ru/121-17118.